

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. А. Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 28 марта 2018 г.

Аннотация: во второй половине XIX века популярным в периодических изданиях становится тип текста, определяемый авторами как путевые очерки или очерки путешествия. На примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» будут рассмотрены языковые средства выражения противоречивости самоидентификации путешествующего субъекта в изменяющихся условиях внешнего мира в понятийной системе традиционной оппозиции «своё» — «чужоё».

Ключевые слова: путевые очерки, «своё» — «чужоё», И. А. Гончаров, историческая стилистика.

Abstract: in the second half of the XIX century a text type determined by authors as traveling sketches or sketches of travel is popular in the periodicals of this time. The language means of the discrepant expression of the self-identification of the traveling subject in the changing conditions of the outside world in the conceptual system of the traditional opposition “our own” — “their own” will be considered on the example of the travel sketches by I. A. Goncharov “The Frigate Pallada”.

Keywords: traveling sketches, “our own” — “their own”, I. A. Goncharov, historical stylistics.

В русской культуре особое значение желание к познанию «иных земель» приобретает в XVIII веке, что было обусловлено возрастающим интересом «к познанию мира во всех его проявлениях, в том числе к познанию быта, культуры, природных условий России и других стран, к изучению географии Земли, её растительного и животного мира» [1, 130]. Следствием этого стало большое число путешествий и их разнообразных описаний.

Ещё более возрастает актуальность подобных сочинений в XIX веке: растёт интерес к ним у читающей публики. В периодических изданиях этого времени появляется большое количество путешествий, призванных удовлетворить читательское желание к познанию большого мира. Следует отметить, что их жанрово-стилевая принадлежность была в достаточной степени разнородна.

Такая ситуация вокруг путешествий сложилась неслучайно, этому способствовало несколько факторов. Среди них — дальнейшее развитие научного знания и возрастающий интерес к нему со стороны образованной части русского общества. Особенно это касается естественно-научной сферы (доказательством может служить многочисленные примеры проникновения естественно-научной терминологии в язык публицистики, метафорического переосмысления терминов для описания явлений общественной жизни [2]). Отсюда следует установка периодических изданий научно-популярного характера на просветительство [3]. Интерес к познанию чужого мира обусловлен также ростом национального са-

мосознания: возникала необходимость расстановки внутренних границ между «своим» и «не-своим». Описания путешествий предоставляли необходимые сведения о внешнем мире, помогающие эти границы ощутить и осознать: познавая «чужое», читатели описаний путешествий тем самым познавали «своё», сопоставление рождало самосознание себя как нации — суверенной части большого мира.

Как феномен, порождённый своим временем и демонстрирующий основные черты, характерные для путевых очерков второй половины XIX века, можно рассматривать очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», появившиеся по мере их написания в различных периодических изданиях того времени. Время написания очерков И. А. Гончарова характеризуется в целом особым отношением к слову как таковому, а познание «своего» и «чужого» без слова невозможно. В очерках можно увидеть огромный интерес их автора к наименованию тех объектов и явлений действительности, о которых он рассказывает своим читателям. Для И. А. Гончарова изучение нового объекта неразрывно связано с усвоением его названия. Встречаясь с новым явлением или объектом, автор стремится дать читателю его наиболее корректную номинацию или несколько вариантов номинаций и, наоборот, услышав новое слово, поясняет его, описывая объект действительности, который за ним стоит. Пояснения, которыми И. А. Гончаров снабжает новые номинации, отличаются разной степенью подробности. Часть из них по своей структуре приближается к научному способу описания объектов действительности, выделяя типологические черты, позволяющие отнести объект

к определённом классу подобных объектов. Например, для пояснений к названиям экзотических плодов можно выделить следующую единую структуру описания: внешний вид, вкус, применение. Внимание автора именно к этим признакам растения естественно-научного описания вытекает из той традиции естественно-научного описания растительного мира, которая сложилась еще в XVIII в. (подробнее см.: [4]).

От научного описания пояснения отличает ярко выраженное личностное начало, которое практически всегда присутствует в описании предмета или объекта, стоящего за экзотической номинацией. Часто И. А. Гончаров напрямую транслирует свои ощущения при встрече с новым объектом, полученные через разные каналы восприятия: *Я разрезал плод: под красною мякотью скрывалась белая, кисло-сладкая сердцевина, состоящая из нескольких отделений, с крупным зерном в каждом из них. Прохладительно, свежо, тонко и сладко, с легкой кислотой. Это мангустан* [5, 256]. Автором используются сравнительная и превосходная степени прилагательных: мандарины признаны *очень сладкими*, о кастард-эппльз он замечает: *нет лучше плода*, баниан назван *роскошнейшим* деревом; предпочтение отдается лексическим единицам, имеющим в своем значении эмотивно-оценочный элемент: *сладость жу-жубов — приторная и бесхарактерная*, вкус кастард-эппльз — *мягкий и нежный*, пампль-мусс — *исполнский*. Тем самым у читателя создаётся иллюзия непосредственного участия: познание «чужого» происходит на ином, отличном от научного, уровне — уровне личностного восприятия конкретного отдельно взятого предмета с вполне определённой локацией и временной отнесённостью как представителя целого класса подобных объектов, в то время как в научном описании известная доля субъективизма обусловлена стремлением дать точное и наглядное представление об идеальном представителе класса.

Описывая знакомство с неким новым объектом как личное эмпирическое переживание, автор обращается к своему (и, соответственно, читательскому) эмпирическому знанию: рождается основа для сопоставления нового объекта «чужой» реальности с хорошо знакомым объектом «своей». Так, описывая в разных очерках экзотические плоды, Гончаров сопоставляет их по различным параметрам с хорошо знакомыми любому русскому читателю: 1) по внешнему виду (мангустан уподобляется по форме яблоку, манго — сливе, кастард-эппльз — груше и яблоку); 2) по вкусу (какофики сравниваются со сливой); 3) по распространённости (мандарины — с картофелем); 4) одновременно по нескольким параметрам (айва — с яблоком по вкусу, структуре и внешнему виду). Оказывается, что «своё» и «чужое» не существуют автономно, они проницаемы друг для друга, а поиск параллелей становится одним из элементов познания. Постепенно эта граница оказывается всё более размытой: вто-

рым участником сопоставления становится объект новой реальности, описанный ранее и вовлечённый в пространство эмпирического переживания, единого для автора и читателя. О традициях английского чаепития, с которыми автор знакомится по всему миру в английских гостиницах, Гончаров замечает: *И от чая требуют того же, чего от индийских сой и перцев, то есть чего-то вроде яда* [5, 409—410]. Этому фрагменту в тексте предшествует авторское пояснение к слову *карри*, в котором есть следующий элемент: *с едким соусом, который составляется из десяти или более индийских перцев*. Карри не понравился автору своей чрезмерной остротой, поэтому позже он переносит этот неприятный вкусовой опыт на впечатление от чая, в результате чего и рождается коннотативный смысл в сочетании *индийские сои и перцы*; в приобретении дополнительного эмоционально-оценочного оттенка смысла участвует также пояснительная конструкция *то есть чего-то вроде яда*.

Важным лексическим маркером для обозначения границ «своего» и «чужого» в путевых очерках являются прилагательные, образованные от географических названий. О роли оттопонимических прилагательных в произведении Гончарова можно судить по значительному числу их употреблений: более 650 случаев. Выражая географическую принадлежность объекта описания, они часто становятся квалификаторами, характеризуя его как некое уникальное явление, отличное от всех других явлений подобного рода. Так, например, сочетание *испанское небо* имеет в своём значении качественные отличия от неба в другой стране, а прилагательное *африканский* в сочетании с существительным *солнце* даёт представление о том, что солнце в небе Африки отличается от солнца в любой другой точки мира: *Африканское солнце, хотя и зимнее, дало знать себя* [5, 108].

Среди употреблений оттопонимических прилагательных можно выделить подгруппу, в которой «культурная принадлежность» значений прилагательного и сочетающегося с ним существительного не совпадают. Речь идёт о тех случаях, в которых прилагательные, образованные от экзотических топонимов, сочетаются с существительными, обозначающими европейские или русские реалии, за которыми для читателя возникает ряд типичных ассоциативных характеристик. При этом возникает художественный эффект, основанный на ощущении семантического диссонанса между определяемым явлением и определяющим его прилагательным. Интересный пример подобного рода представляет собой соединение прилагательного *японский* с титулом высокого должностного лица в русской культуре. Говоря о губернаторе Нагасаки, автор использует формулу *его превосходительство*, но в одном случае возникает сочетание с прилагательным *японский*: *Какая вдруг перемена с губернатором: что с ним сде-*

лалось? Куда делся торжественный, сухой и важный тон и гордая мина? **Его японское превосходительство смутился** [5, 363]. Речь идёт о сцене, в которой адмирал указал на возможность отплытия русской экспедиции в Эдо, откуда в течение долгого времени ожидался ответ на русское дипломатическое письмо. Авторская ирония выражается с помощью как риторических вопросов, демонстрирующих несоответствие реакции губернатора той модели поведения, которой он обычно придерживался, так и сочетания с оттопонимическим прилагательным, необходимого для акцентации авторского ироничного отношения к такой модели поведения.

Часто употребление сочетаний такого типа оказывается связанным с процессом деонимизации имён собственных, в этом случае экзотическое оттопонимическое прилагательное образуют сочетание со значимыми для европейской или русской культуры именами: *Негры все здорового телосложения; мускулы у них правильны и красивы — это африканские Адонисы; зрачки у них подёрнуты желтоватою влагою и покрыты сетью жилок* [5, 204]. Понятный для европейца образец телесной красоты соединяется с обозначающим географическую принадлежность к новому для автора и читателя миру прилагательным, на пересечении этих двух смыслов возникает новый тип красоты, непривычный для читателя, но имеющий право на существование, что и подтверждается контекстом, в котором перечислены атрибуты этой «новой» красоты.

Подобное перенесение привычных культурных образов на новую почву позволяет осмыслить «чужое», приспособить его под своё культурное знание, идентифицировать как нечто, доступное для познания. А само осознание возможности познания разрушает иллюзию чуждости окружающей реальности — «чужое» переходит в статус «нового».

Интересна в теме «своего» и «чужого» самоидентификация автора как воспринимающего субъекта в противопоставлении западной и восточной цивилизаций, реализуемая в тексте очерков на разных языковых уровнях. Автор, путешествуя по миру, с достаточной степенью определённости воспринимает себя как европейца и смотрит на мир глазами европейца (что обусловлено влиянием русской критики во главе с В. Г. Белинским на традицию описаний путешествий [6]): *В европейском квартале простор, свежесть, чистота и великолепие стесняют их; они похожи там на рыб, которых из грязной болотной речки пересадили в фарфоровый бассейн, наполненный прозрачною водою: негде спрятаться, приютиться, стянуть, надуть, выпачкаться и выпачкать ближнего* [5, 287—288]. Противопоставление происходит на уровне актуализации антонимичных сем «грязь» — «чистота», «теснота — простор» в значениях слов: *простор, свежесть, чистота, грязный, болотный, прозрачный, выпачкать(ся)*. При этом важ-

ной деталью оказывается тот факт, что рыб, с которыми сравниваются китайцы, пересаживают из природной среды (*грязная болотная речка*) в культурную среду (*фарфоровый бассейн*) — для И. А. Гончарова нет никакого сомнения в необходимости движения Востока к европейской цивилизации: *Но я гулял по узкой тропинке между Европой и Китаем и видал, как сходятся две руки: одна, рука слепца, ищет уловить протянутую ей руку зрячего; я гулял между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христианскими церквами и кумирнями* [5, 603]. Антонимическая пара *слепец — зрячий* олицетворяет собой другое противопоставление, являющееся ключевым в этом отрывке (*Европа — Китай*) а также задаёт контрастность дальнейшему перечислению пар однородных членов, в каждой из которых два существительных с конкретно-предметными значениями, означающих реалии, принадлежащие к разным культурным кодам (*дом — хижина, корабль — джонка, церкви — кумирни*).

Между тем, ощущая себя европейцем и глядя на мир с позиций европейцев, автор указывает на «азиатские» корни русской культуры — возникает метафорический образ азиатской колыбели: *В эпоху нашего младенчества из азиатской колыбели попало в наше воспитание несколько замашек и обычаев, и теперь еще не совсем изгладившихся, особенно в простом быту* [5, 483] — однако важна темпоральная отнесённость к прошлому, которое оказывает влияние на настоящее, но должно со временем изжить себя в русском обществе. При этом, по мнению автора, консервация этого прошлого происходит в простонародной культуре: матрос, поставленный в услужение к автору, невольно противопоставляет своё основное качество характера, выраженное словом *простодушие* ('пряmodушие, щирость, искренность' [7]) европейской цивилизации: *Я боялся улыбнуться: мне жаль было портить это костромское простодушие европейской цивилизацией, тем более что мы уже и вышли из Европы и подходили... к Костроме, в своём роде* [5, 84]. Выстраивается словесный ряд (терминология В. В. Виноградова [8]): *азиатская колыбель — простодушие — Кострома*, круг замыкается: все страны, не относящиеся к европейской цивилизации, являются тем же, что и Кострома. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о самоопределении автора очерков и границах того культурного мира, который он может назвать «своим».

Анализ языковой репрезентации «своего» и «чужого» в очерках путешествия Гончарова даёт представление о сложности и неоднозначности этих двух понятий в путевых очерках второй половины XIX века. С начавшимся в XVIII веке бурным развитием русской науки и параллельным ростом интереса к ней со стороны образованного общества «чужое» перестаёт восприниматься как «чуждое», «далёкое».

То, что казалось когда-то слишком далёким, приобретает потенциальную возможность стать понятным. «Чужое» всё в большей степени становится «новым». Эти процессы становятся особенно актуальными для середины и второй половины XIX века, сливаясь с процессами, связанными с изменениями в понимании «своего», с поиском собственной национальной идентичности.

Такое положение обусловлено многими факторами, и прежде всего тем, что мир всё в большей степени становится единым пространством. В немалой степени это связано с активной колонизаторской политикой Англии, что получило своё отражение и в очерках Гончарова: *Я с комфортом и безопасно проехал сквозь ряд португальцев и англичан — на Мадере и островах Зелёного Мыса; голландцев, негров, готтентотов и опять англичан — на мысе Доброй Надежды; малайцев, индусов и... англичан — в Малайском архипелаге и Китае, наконец, сквозь японцев и американцев — в Японии* [5, 14]. Англия практически в любой точке мира обеспечила для европейского путешественника то привычное пространство, находясь внутри которого можно было, не выходя за пределы привычного, изучать чужую культуру и обычаи. Мир стал проницаемым и доступным для наблюдения без отрыва от привычного культурного и бытового контекста.

Всё это происходит параллельно и в тесной взаимосвязи с развитием мировой торговли. Само сочетание *всемирная торговля* вошло в язык в конце XVIII в. (по данным картотеки «Словаря русского языка XVIII века») и стало употребительным в следующем столетии наряду с синонимичным *мировая торговля* (данные Национального корпуса русского языка). Интересна в этом отношении корреляция понятий *торговля* и *цивилизация* в очерках Гончарова: *Торговля распространилась всюду и продолжает распространяться, разнося по всем углам мира плоды цивилизации* [5, 272]. Слова *торговля* и *цивилизация*, наряду со словом *комфорт*, образуют словесный ряд, реализуемый в очерках во многих контекстах, описывающих английскую деятельность по всему миру.

В то же время мир не стал ещё «продуктом потребления»; путешествие переживалось не как событие, но как состояние. Уже в XX веке итальянский писатель и путешественник А. Моравиа в своей книге «Письма из Сахары», составленной из публиковавшихся ранее в прессе путевых заметок, писал: «Но ведь туризм не всегда был синонимом потребительства, изначально он был формой воспитания чувств» [9, 18]. Очерки путешествия И. А. Гончарова, как, безусловно, один из самых лучших образцов путевых очерков своего

времени, отражают всё противоречие в восприятии человеком мира и себя в этом мире, характерное для рассматриваемого периода с его бурными процессами, происходящими во всех сферах жизни общества. Именно этим обусловлен интерес изучения их с различных лингвистических позиций: научную перспективность такого диахронического подхода, в том числе для осмысления современных медиатекстов, доказывают работы Т. Ю. Редькиной ([10], [11]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева И. М. Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (К постановке вопроса) / И. М. Мальцева // Язык русских писателей XVIII века. — Ленинград: Наука, 1981. — С. 130—150.
2. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. — Москва-Ленинград: Наука, 1965.
3. Громова Л. П. Научное просветительство / Л. П. Гончарова // Журналистика сферы досуга. — Санкт-Петербург: Издательство «Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций» СПбГУ, 2012. — С. 39—48.
4. Петрова З. М. Язык русской ботанической науки XVIII века / З. М. Петрова // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина. — Санкт-Петербург: Наука, 1999. — С. 40—54.
5. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах / И. А. Гончаров // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург: Наука, 1997. — Т. 2.
6. Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840—1850-е годы: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Проценко. — Ленинград, 1984.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва-Санкт-Петербург, 1903.
8. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва: Наука, 1971.
9. Моравиа А. Письма из Сахары / А. Моравиа. — Москва: Прогресс, 1987.
10. Редькина Т. Ю. Речевая разработка темы «другая страна» / Т. Ю. Редькина // Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры: Коллективная монография. — Санкт-Петербург: Издательство «Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций», 2011. — С. 70—123.
11. Редькина Т. Ю. Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход (на материале тревел-текста) / Т. Ю. Редькина // Медиалингвистика. — 2015. — № 8. — С. 104—116. — URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf (дата обращения: 30.02.2018).